

ПРАВО

УДК 343.232

В статье анализируется законопроект № Пр-206, внесенный Президентом РФ 14 февраля 2019 г. в Государственную Думу, в котором содержатся поправки в нормы УК РФ об организованной преступности. В данном проекте предлагается, в частности, дополнить УК РФ ст. 210.1 («занятие высшего положения в преступной иерархии»). Автор критически оценивает эту законодательную инициативу, приводя доводы против ее реализации. Отмечается, что введение уголовной ответственности за сам факт занятия высшего положения в преступной иерархии противоречит принципам уголовного права и теории криминализации. Любое преступление, описываемое в уголовном законе, по определению должно быть деянием, а не асоциальной характеристикой личности. Кроме того, негативно оценивается в статье идея введения в УК РФ самостоятельного запрета создания организованной группы и участия в ней (ст. 208.1), поскольку такой шаг приведет к избыточной криминализации и пенализации деятельности организованных групп. При этом необходимость дополнения данной нормой УК РФ не следует, вопреки мнению сторонников указанной идеи, из ст. 5 Конвенции ООН против транснациональной организованной преступности. В завершение делается вывод о важности дальнейшего поиска новых уголовно-правовых средств противодействия организованной преступности, которые бы не противоречили фундаментальным началам уголовного права.

Ключевые слова: организованная преступность; организованная группа; законопроект; инициатива; УК РФ; критика; анализ; криминализация; зарубежный опыт

The article analyzes bill №Пр-206, suggested by President of the Russian Federation on the 14th February 2019, which contains some changes of the Criminal code articles about organized crime. This bill suggest, in particular, to add Art. 210.1 to the Criminal code of the Russian Federation. The author critically assesses this bill, arguing its uselessness. The author thinks, that introduction of criminal liability for the very fact of occupying a higher position in the criminal hierarchy contradicts the theory of criminalization. Every crime, described in the Criminal code, must be a deed, but not as an asocial persons characteristic. In addition, the article criticized the idea of introducing into the Criminal Code an independent ban on the creation of an organized group and participation in it (art. 208.1), since such a step would lead to excessive criminalization and penalization of the activities of organized groups. Moreover, the necessity of supplementing this provision of the Criminal Code of the Russian Federation does not follow, contrary to the opinion of supporters of this idea, from Art. 5 of the UN Convention against Transnational Organized Crime. In conclusion, a conclusion is made on the importance of the further search for new criminal legal means of combating organized crime, which would not contradict the fundamental principles of criminal law.

Keywords: organized crime; organized group; bill; initiative; Criminal Code of the Russian Federation; criticism; analysis; criminalization; Foreign experience

А. В. Иванчин*E-mail: ivanchin@uniyar.ac.ru**Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова*

**Оптимизация уголовно-правовых средств
борьбы с организованной преступностью:
критический анализ актуальных инициатив***

Научная статья

A. V. Ivanchin*P. G. Demidov Yaroslavl State University*

**Optimization of criminal law tools to combat organized crime:
a critical analysis of relevant initiatives**

Scientific article

Масштабы организованной преступности в России вызывают обоснованную тревогу. Не случайно Стратегией национальной безопасности РФ

(пункт 43), утвержденной Указом Президента РФ от 31 декабря 2015 г. № 683, деятельность преступных организаций и группировок, в том числе

*Статья подготовлена в рамках проекта РГНФ № 17-03-00682.

© Иванчин А. В., 2019

транснациональных, отнесена к основным угрозам государственной и общественной безопасности, является препятствием для устойчивого развития России и реализации стратегических национальных приоритетов [1, с. 40]. При этом по наблюдениям криминологов организованная преступность характеризуется высокой степенью латентности и существенной ресурсообеспеченностью [2, с. 156–157]. Разумеется, указанные факторы заметно усложняют борьбу с этим социальным злом. В этих условиях требуется поиск новых форм, средств и методов противодействия организованной преступности, в том числе путем совершенствования уголовного законодательства.

Потребность в указанных нормативных новациях в полной мере подтверждает и внесение 14 февраля 2019 г. Президентом РФ в Государственную Думу Федерального Собрания РФ законопроекта № Пр-206, содержащего поправки в УК РФ и УПК РФ в части противодействия организованной преступности. На момент написания настоящей статьи данный законопроект уже прошел три чтения в Государственной Думе и поступил в Верховную палату парламента (где, практически со стопроцентной степенью вероятности, как представляется, будет одобрен и направлен для подписания его же инициатору). Центральной идеей данного законопроекта является дополнение УК РФ статьей 210.1, диспозиция которой выглядит следующим образом: «Занятие высшего положения в преступной иерархии» [3].

В Пояснительной записке к проекту указанного федерального закона отмечается, среди прочего, что лица, которые занимают лидирующее положение в преступных сообществах и представляют повышенную опасность, «как правило, уходят от уголовной ответственности», а потому нужно ввести норму, по которой станет наказуемым сам факт лидерства в преступном мире [4]. Правительство РФ в официальном отзыве на данный законопроект указало, что «в целях повышения эффективности борьбы с организованной преступностью следует поддержать внесение в УК РФ изменений, направленных на введение уголовной ответственности лидеров преступного мира» [5].

Заметим, что опыт введения подобных норм в уголовный закон имеется за рубежом, в том числе в странах постсоветского пространства. Так, УК Грузии в 2005 г. был дополнен статьей 223.1. Часть первая данной нормы устанавливает ответственность за членство в воровском сообществе,

а по части второй этой нормы преследуется пребывание лица в положении «вора в законе».

Вместе с тем, несмотря на стремительное прохождение анализируемого законопроекта в парламенте нашей страны, а также на аналогичный опыт некоторых зарубежных стран, целесообразность включения в УК РФ ст. 210.1 в предложенной редакции вызывает, по нашему мнению, весьма большие сомнения. Безусловно, масштабы организованной преступности в России вполне закономерно обуславливают поиск новых эффективных механизмов противодействия ее проявлениям. Но, как известно, «благими намерениями вымощена дорога в ад». И в борьбе даже со столь опасным злом мы не можем действовать по принципу «цель оправдывает средства». Поэтому предлагаемые на законодательном уровне меры противодействия организованной преступности должны быть научно обоснованными, взвешенными и соответствующими фундаментальным началам уголовного права, в том числе его принципам. Убеждены, что этим свойствам идея введения в УК нормы об ответственности за лидерство в преступной среде не отвечает, а потому заслуживает критической оценки.

Во-первых, введение указанной нормы противоречит теории криминализации. Сам по себе факт занятия высшего положения в преступной иерархии не может быть основанием уголовной ответственности, поскольку является не деянием, а характеристикой (пусть и максимально асоциальной) личности. Это определенное состояние, но не акт человеческого поведения. Еще Г. А. Злобин отмечал, что «лишь то *деяние* может быть правомерно криминализовано, общественная опасность которого достаточно (с точки зрения уголовного права) высока», и указывал, что это исходный принцип, отправная точка при криминализации, «главное условие криминализации» [6, с. 216, 218]. И в современной доктрине *деяние*, т. е. *акт человеческого поведения*, обладающий свойством общественной опасности, обосновано признается единственным основанием криминализации [7, с. 280–281; 8, с. 57–58].

Во-вторых, введение в УК РФ нормы об ответственности за сам статус «вора в законе» или иного лидера преступной среды прямо противоречит ст. 5 УК РФ («Принцип вины»), согласно которой лицо подлежит уголовной ответственности только за те *общественно опасные действия (бездействие) и наступившие общественно опасные послед-*

ствия, в отношении которых установлена его вина (а не за особый статус). Согласуется с принципом вины и определение преступления в ст. 14 УК РФ как *деяния*. Поэтому вполне закономерно, что в УК РФ мы не найдем ни одного состава преступления, который выражался бы в некоем состоянии.

В-третьих, нельзя не отметить и то обстоятельство, что занимать высшее положение в преступной иерархии могут как действующие лидеры преступных группировок (планирующие преступления и организующие их совершение), так и «отошедшие от дел» авторитеты преступного мира, которые, тем не менее, сохраняют свой высокий статус в воровском сообществе. Очевидно, что преследовать последних, если они не причастны к конкретным преступлениям, недопустимо. Именно поэтому в ныне действующей редакции УК РФ обосновано и наказывается *конкретная криминальная активность* субъектов: либо их участие в деятельности преступных сообществ, либо создание таковых, либо руководство преступными организациями. И всё это логично рассматривается в рамках института соучастия в преступлении.

В-четвертых, мысль разработчиков упомянутого законопроекта понятна – столь «нехитрым» способом делается попытка облегчить задачу правоохранительных органов по доказыванию причастности тех или иных криминальных авторитетов к конкретным преступлениям. Не секрет, что проблемы с доказательствами в данном случае действительно возникают (рядовые члены преступных группировок лишь в редких случаях сотрудничают со следствием и изобличают своих руководителей и т. д.). Но разве можно жертвовать устоями уголовного права ради достижения одних только целей доказывания? Тем более что сегодня правоохранительные органы располагают широким арсеналом оперативных и технических средств фиксации преступной деятельности участников организованных группировок, включая их руководителей. Да и успешно реализованные силовиками операции последних лет это наглядно подтвердили. Чего стоит только дело лидера преступного сообщества России, «вора в законе» Калашова по кличке «Шакро Молодой», осужденного в 2018 г. к девяти годам и десяти месяцам лишения свободы за вымогательство в особо крупном размере. В приговоре особо подчеркивалось, что Калашов в 2013 г. после смерти Аслана Усояна («Деда Хасана») «занял лидирующее положение в криминальном мире России» и «под своим покровительством консолидировал лиц, профес-

сионально занимающихся преступной деятельностью» [9, с. 4].

В-пятых, реформируя уголовное законодательство, мы не должны забывать об уроках истории. В 20-х годах прошлого века в советское уголовное законодательство была внедрена теория опасного состояния личности, истоки которой коренятся в воззрениях сторонников социологической школы уголовного права. Речь идет о закреплении в Основных началах уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик 1924 г. возможности применения ссылки и высылки в отношении *не только лиц, осужденных за совершение конкретного преступления, но и лиц, признанных общественно опасными «по связи с преступной средой в данной местности»* (ст. 22 УК РСФСР 1922 г.). А согласно ст. 7 УК РСФСР 1926 г. меры социальной защиты применялись не только ввиду совершения субъектом преступления (общественно опасного деяния), но и ввиду *опасности лица по своей связи с преступной средой или по своей прошлой деятельности*. Нетрудно видеть, что теорией «опасного состояния личности» подменялась категория «вины» и самостоятельным основанием ответственности признавалась асоциальная характеристика личности. Данное «изобретение» впоследствии было по достоинству оценено в доктрине. Так, уже в наши дни А. В. Наумов справедливо пишет: «Идея “опасного состояния” – одно из самых реакционных изобретений уголовно-правовой теории. Замена наказания мерами безопасности на деле означает отрицание основных институтов уголовного права, игнорирование принципа ответственности за вину в совершении предусмотренного уголовным законом общественно опасного деяния. Идеи социологической школы позже нашли свое отражение, например, в итальянском Уголовном кодексе 1931 г., принятом во времена господства в стране фашистского режима» [10, с. 531–532]. Действительно, наш народ заплатил слишком большую цену за внедрение указанной теории в уголовный закон. И, думается, оснований реанимировать этот печальный опыт, пусть и в благих целях, не имеется.

Здесь – как в вечном споре Жеглова и Шаропова о том, можно ли Кирпичу кошелек подсунуть. Сомневаемся в допустимости таких мер. Конечно, надо жёстко бороться с проявлениями организованной преступности, но нельзя забывать о прошлом, о том, что такие нормы – прямой путь к произволу. Поэтому и средства борьбы с преступностью, вклю-

чая организованную, должны быть адекватными, соответствующими российским уголовно-правовым принципам и теории криминализации. К тому же далеко не исчерпаны, как уже отмечалось, резервы в части совершенствования средств и способов доказывания действий авторитетов преступной среды с учетом современных оперативно-технических возможностей.

Еще одна набирающая популярность идея, которая грозит превратиться в законодательную инициативу, – это предложение о дополнении УК РФ нормой об ответственности за создание организованной преступной группы, руководство ею или участие в ней. Сторонники данной идеи ссылаются на ст. 5 ратифицированной Россией Конвенции ООН против транснациональной организованной преступности, констатируя, что «ни одно из указанных в ст. 5 Конвенции альтернативных деяний не признано в России уголовно-наказуемым в том объеме, в котором это требуется в соответствии с международными стандартами, поскольку УК РФ не содержит ни самостоятельного запрета на преступный сговор, ни отдельной нормы об ответственности за участие в организованной преступной группе общего характера» [11, с. 42]. Соответственно, для решения этой проблемы со ссылкой на опыт Казахстана и Италии (где уголовно-наказуемым признается создание организованной преступной группы и участие в ней) предлагается ввести в УК РФ ст. 208.1 «Создание организованной группы или участие в ней» [11, с. 170].

Отдавая должное глубине проработки идеи введения в УК РФ самостоятельного запрета создания организованной группы и участия в ней, позволим себе подискутировать со сторонниками этой идеи по следующим причинам. Во-первых, такой шаг приведет к избыточной, по нашему мнению, криминализации и пенализации деятельности организованных групп. И без введения ст. 208.1 любое преступление, совершаемое в составе организованной группы, сегодня наказуемо, при этом с учетом вменения квалифицирующего признака «организованная группа» более строго, нежели обычное. По логике же сторонников анализируемой позиции каждое преступление участников указанного криминального объединения должно наказываться дважды – по статье Особенной части УК РФ и ст. 208.1, что явно излишне. Во-вторых, автоматически будет нарушен принцип справедливости. Особенная часть УК РФ буквально насыщена квалифицирующим признаком «организованная группа». Несмотря на это, опасность преступле-

ния, совершаемого организованной группой, будет повторно учтена в санкции ст. 208.1 УК. В равной мере и факт организованности получит двойную оценку – сначала как квалифицирующий признак (ч. 4 ст. 159 УК и т.п.), а затем в рамках ст. 208.1.

Обратим внимание также на небесспорную трактовку сторонниками рассматриваемой идеи ст. 5 Конвенции ООН против транснациональной организованной преступности. На их взгляд, она якобы обязывает ввести в УК РФ «самостоятельный состав преступления, не являющийся разновидностью неоконченного преступного деяния, будь то покушение или приготовление к преступлению» [11, с. 37]. Однако, если обратиться к тексту ст. 5 Конвенции, нетрудно видеть, что она обязывает каждое государство, в том числе Россию, «признать в качестве уголовно наказуемых деяний» умышленное участие в деятельности организованной группы со всеми его разновидностями, включая «сговор с одним или несколькими лицами относительно совершения серьезного преступления», «не относя их к покушению». То есть в ст. 5 Конвенции ничего не говорится о неоконченном преступлении в целом, лишь – о покушении. А по УК РФ в абсолютном большинстве случаев преступление, совершенное в составе организованной группы, относится к тяжкой или особо тяжкой категории, а значит, его *приготовление (в том числе сговор)* наказуемо. Те же единичные исключения, когда приготовление в составе организованной группы к «серьезному преступлению» (по терминологии Конвенции), т. е. с максимумом наказания до 4 лет, по УК РФ ненаказуемы, легко исправить, либо усилив санкцию статьи (например, санкцию ч. 2 ст. 141 УК РФ), либо оговорив эти случаи в ч. 2 ст. 30 УК РФ как уголовно наказуемые. Тем самым Россия с учетом особенностей и традиций нашей национальной правовой системы в полной мере реализует условие ст. 5 Конвенции о признании в качестве уголовно наказуемых соответствующих деяний, «не относя их к покушению».

К тому же давно доказано, сколь осторожно и педантично нужно подходить к использованию иностранного опыта. Например, в праве США (страны, которая по общему признанию считается исполнившей ст. 5 Конвенции) хотя и отсутствует норма об участии в организованной группе, но есть статья о преступном сговоре. И это вполне логично, поскольку в американском законодательстве отсутствует понятие приготовления к преступлению, как и в уголовном праве абсолютного большинства

других зарубежных стран (не считая стран постсоветского пространства). Таким образом, и за рубежом криминализация деятельности организованных групп далеко не всегда выражается во введении самостоятельного запрета.

Подводя итог, подчеркнем важность дальнейшего совершенствования уголовно-правовых норм, направленных на противодействие организованной преступности. С учетом достаточно напряженной криминогенной обстановки в нашей стране, существующих законодательных мер в области борьбы с организованными формами преступности явно недостаточно. В то же время необходимо взвешенно и системно подходить к разработке уголовно-правовых инициатив, чтобы исключить введение в закон норм, противоречащих принципам российского уголовного права и основам теории криминализации.

Ссылки

1. Указ Президента РФ от 31.12.2015 № 683 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2016. № 1, ч. 2, ст. 212. С. 34–85.
2. Бочкарева Е. В. Организованная преступность как форма самодетерминации преступности // Актуальные проблемы российского права. 2019. № 1. С. 156–162.
3. Законопроект № 645492-7 «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в части противодействия организованной преступности». URL: <http://sozd.duma.gov.ru/bill/645492-7> (дата обращения: 22.03.2019).
4. Пояснительная записка к законопроекту № 645492-7. URL: <http://sozd.duma.gov.ru/bill/645492-7> (дата обращения: 22.03.2019).
5. Официальный отзыв Правительства РФ на законопроект № 645492-7. URL: <http://sozd.duma.gov.ru/bill/645492-7> (дата обращения: 22.03.2019).
6. Основания уголовно-правового запрета. Криминализация и декриминализация / отв. ред. В. Н. Кудрявцев, А. М. Яковлев. М., 1982. 425 с.
7. Лопашенко Н. А. Основы уголовно-правового воздействия: уголовное право, уголовный закон, уголовно-правовая политика. СПб., 2004. 368 с.
8. Иванчин А. В. Факторы, учитываемые в процессе конструирования состава преступления // Вестник Ярославского государственного университета им. П. Г. Демидова. Серия Гуманитарные науки. 2014. № 2. С. 56–61.
9. Федосенко В. «Шакро Молодой» признан виновным в крупном вымогательстве // Российская газета. 2018. 27 марта.
10. Наумов А. В. Преступление и наказание в истории России: в 2 ч. М., 2014. Ч. 1. 752 с.
11. Трузьян Э. В. Организованная группа по российскому уголовному законодательству: понятие, виды, ответственность: дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2018. 201 с.